

Монастыри по сообщениям «Угличского летописца» из собрания ГМЗ «Ростовский кремль»

B.B. Денисов

«Угличский летописец» – интереснейший памятник провинциальной историографии, объединивший труд нескольких поколений местных писателей, работавших на протяжении последней трети XVIII в. В настоящее время исследователями насчитывается более двадцати рукописных списков «Угличского летописца»¹. Пять из них хранятся в РНБ в Санкт-Петербурге, четыре – в Угличе, в филиале областного архива и музее, два – в рукописном отделе РГБ в Москве, по одному – в фондах Ярославского и Ростовского музеев-заповедников, библиотеки АН в Санкт-Петербурге и в собрании академика М.Н. Тихомирова в Новосибирске.

«Угличский летописец» из собрания ГМЗ «Ростовский кремль», один из наиболее полных и содержательных списков, относится к так называемому «Серебренниковскому» типу памятника. Он был опубликован в 1996 г. Ростовский список представляет большой интерес для специалистов-археографов как образец городового летописания, и для широкого круга историков как ценнейший исторический источник, содержащий сведения по самым различным вопросам.

В рамках настоящего сообщения нами выбран для рассмотрения только один аспект проблемы – летописец как источник по истории монастырей. Эта тема занимает весьма значительную часть от общего объема ростовского списка. Сразу надо сказать, что основное место в летописце отведено угличским монастырям. Конечно, в нем упоминаются и другие российские обители, однако только в контексте событий местной истории.

Прежде, чем переходить к анализу «Угличского летописца» в рамках означенной проблемы, необходимо указать на две важные отличительные черты источника, определяющие характер его содержания и степень достоверности.

Во-первых, сами составители и редакторы ростовского списка по-разному называют свой труд, как, например, «историческое собрание», «историческое повествование», «история», «краткий летописец», «летопись». Такое различие в обозначении не случайно. Оно является показателем той поры русского историописания, когда летопись уступает место истории. «Двойственность термина – летопись, история – в данном случае отражение двойственности занятия: уже не составление погодной летописи, но еще только неуверенные пробы написания истории»². Характерен в этом смысле уже сам заголовок: «Собрание истории или краткий Угличский летописец наречем».

Во-вторых, как часть провинциальной историографии «Угличский летописец» имеет с ней много общих особенностей: соединение повествования очевидца и историка, переплетение с прежними сказаниями и мифологическими мотивами агиографической литературы в ее фольклорной традиции, следы ранних несохранившихся летописцев в нынешнем тексте, попытки авторского осмысления³. При этом составители и редакторы летописца зачастую без каких-либо указаний вводили в его текст фрагменты не летописного характера, актовые материалы, а иногда и собственный комментарий. Отсюда возникает проблема достоверности источника — некоторые его сообщения требуют более тщательной проверки.

Относительно времени возникновения первых угличских монастырей в письменных источниках указаний не имеется. Известные нам местные предания называют таковым XIII в. В ростовском списке летописца имеются косвенные сведения, подтверждающие такие предположения. Так, например, во время нашествия на Углич монгольских отрядов князь Владимир Константинович (1222–1249) собрал совет, на который, помимо бояр и граждан, были приглашены «духовнии персоны, елицы во граде сушии, начальствуеми игумены, и иноки, и священницы вси»⁴. Имеются указания, что Роман Владимирович в свое княжение (1261–1285) «монастыри и обители созда многи и иноческими лики и мнихи насели»⁵. Однако некоторые исследователи небезосновательно усматривают в житии князя Романа экстраполяцию действий удельного князя Андрея Васильевича Большого (1461–1491). Ростовский список «Угличского летописца» позволяет уточнить хронологические рамки возникновения монастырей в левобережной части города. По сообщению источника, эта часть Углича начала осваиваться только при князе Константине Дмитриевиче с 1362 г.⁶

В главе 15, посвященной княжению Андрея Васильевича Большого, впервые встречаются конкретные сведения об основании некоторых угличских обителей. «И потом начат наиначе град умножати и всякими благоустройствии украшати церкви, бо многия ветхия обновляше и монастыри устрояше»⁷. Так, например, летописец относит основание Покровского монастыря к периоду после 1465 г.⁸ Однако у нас есть основания считать, что означенный монастырь был основан несколько ранее указанной даты, и только возобновлен Андреем Большим. То же самое можно сказать относительно сведений об основании Успенской Учемской пустыни преподобным Кассианом. Он возобновил и обустроил уже существовавший ранее монастырь. Среди архитектурных памятников в источнике упоминаются только две постройки: каменный соборный храм в Покровском монастыре и Пречистская церковь — в Учемской пустыни. Интересно замечание составителя летописца, которым он подтверждает свою осведомленность в изложении событий. «А и яже о церковном строении, и монастырех, и дворце его каменных, сия есть всячески сведома и паче слуха самовидение оных, яже и доныне оставшая и неразрушенная кая от тех здани вероятно ведением

утверждает безсомненно»⁹.

В главе 17, посвященной княжению в Угличе наместника Фомы Колычева, имеются весьма запутанные сведения об Алексеевском монастыре. Так, например, сообщается, что Фома построил в обители «Дивную» троеверхую церковь¹⁰. На самом деле Успенский храм был возведен только в 1628 г., а Фома завершал строительство соборной Алексеевской церкви, в которой впоследствии и был захоронен. Однако летописец ошибочно считает местом его погребения Предтечевскую церковь, которая была построена только в 1684 г.¹¹

В главе 20, посвященной царице Марии Федоровне, матери благоверного царевича Димитрия Иоанновича, государыне Угличской, впервые упоминается женский Богоявленский монастырь на территории Кремля. Летописец сообщает, что после гибели царевича в этом монастыре Мария Нагая приняла постриг и стала инокиней Марфой¹². На самом деле Богоявленская обитель была основана только в начале XVII в. другой инокиней Марфой – К.И. Шестовой, матерью царя Михаила Федоровича.

Анализ вышеперечисленных глав ростовского списка «Угличского летописца», посвященных местным князьям, показывает, что сведения о монастырях в них встречаются чрезвычайно редко, достоверность многих из них вызывает сомнение и требует серьезного анализа. Объяснить подобную ситуацию можно тем, что древнейший период в истории Углича недостаточно освещен в письменных источниках, а потому составители летописца были вынуждены заимствовать данные из легенд и преданий и без какой-либо серьезной критики включать их в свое сочинение.

Однако в изучаемом списке имеются главы, которые содержат в себе уникальную и достоверную информацию об угличских обителях. Так, например, в главе 21 «О величестве и пространстве древнего града Углича до литовского разорения» зафиксированы данные о местоположении и постройках Богоявленского женского монастыря в Кремле. Так, например, имеется точная привязка обители к крепостным сооружениям: «деревянный весь, в углу к полуденной стороне, и по-за прудом пригорожен к западной стене городовой»¹³. В описании упоминаются Богоявленский храм с приделом Иоанна Милостивого, теплая Смоленская церковь с приделом Иоанна Златоуста, жилые и хозяйствственные помещения.

В главе 23 «О заволжской слободе, пленинной польскими людьми» имеются подробные сведения о монастырях левобережной части города. Большую историческую ценность представляют описания малоизвестных угличских монастырей, которые были уничтожены во время польско-литовской интервенции и впоследствии не восстанавливались. Так, в Богоявленском мужском монастыре, который находился на берегу Волги на высокой горе, упоминаются деревянные церкви Богоявления Господня с приделом Иоанна Предтечи, Ильи Пророка с трапезной и с приделом Ипатия Чудотворца, а также кельи и прочее строение¹⁴. Во Введенском монастыре, который «построен был на острове по-

за езером вправую сторону», имелись деревянные церкви: холодная Введения Пресвятой Богородицы с приделом Иоакима и Анны, теплая Тихвинской Богородицы с приделом Зачатия Святой Анны, кельи, хозяйственные помещения¹⁵.

В этой главе дается также довольно подробное описание Покровского монастыря, однако в значительной степени оно дублирует сведения об основании обители преподобным Паисием, приведенные в разделе о княжении Андрея Большого. Данные о состоянии архитектурного ансамбля монастыря весьма незначительные. В источнике упоминаются каменные сооружения — Покровский собор, церковь Богоявления с трапезной и приделом Сергия Радонежского чудотворца, надвратный храм Николы Мирликийского, церковь Герасима Иорданского с приделом Святых семи отроков эфесских¹⁶. Местонахождение последнего храма в этом списке не указано, однако по другим источникам известно, что он был устроен в центральной главе собора. Вокруг монастыря упоминается деревянная ограда и «многия строения монастырских»¹⁷. Упоминается в летописце и Никольский Грехозаруцкий монастырь, однако без каких-либо сведений о состоянии его архитектурного ансамбля¹⁸.

В главе 24 «О пришествии и приступах полских людей ко граду Угличу, и о пространствии, и о храбости граждан» сообщается о том, как Никольский Грехозаруцкий монастырь, оказавшийся первым на пути польских интервентов, был захвачен и превращен ими в крепость¹⁹.

Общие сведения о числе угличских монастырей в городе и окрестностях приведены в главе 25 «О величестве и многонародстве прежде полского разорения града Углича». Летописец насчитывает всего 13 обителей²⁰. В нем упоминаются с указанием местонахождения следующие монастыри: Воскресенский, Алексеевский, Богоявленский женский, Иоанна Богослова «на прудищах», Николы Чудотворца «на песках», Макария Египтянина, Введенский женский, Богоявленский, Покровский, Никольский Грехозаруцкий, Николо-Улейминский, Михаила Архангела «в бору», Успенская Учемская пустынь.

Сходные по форме, но более подробные сведения об угличских монастырях приведены в главе 29 «О населившихся жителях во граде Угличе по литовском разорении». Так, например, о Богоявленском женском монастыре говорится, что он был восстановлен на прежнем месте и «пригорожен к острогу забором»²¹. В нем упоминаются две деревянные церкви: шатровая на подклете Богоявления Господня с приделом Иоанна Милостивого и теплая Смоленской Богоматери с приделом трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Упоминается также, что впоследствии монастырь был выведен с территории Кремля и устроен на посаде вблизи Ростовской дороги.

Аналогичные описания сделаны составителем летописца и по другим угличским обителям. Причем везде имеются авторские комментарии о дальнейшей судьбе того или иного монастыря, появление которых можно отнести к периоду не ранее второй

половины XVII – начала XVIII в. Так, например, если после польского разорения какой-либо монастырь возобновлялся, то указывалось, на каком месте он был восстановлен и какие сооружения имелись на его территории. Если монастырь не возобновлялся, то сообщалось, что место запустело или на нем устроен приходский храм, освященный по названию бывшей обители. В этой главе впервые приводятся сведения о Троицкой Дивногорской пустыни, основанной Ростовским митрополитом Ионою в 1670-х гг. и приписанной к ростовскому архиерейскому дому²².

Анализ глав ростовского списка «Угличского летописца», повествующих о событиях конца XVI – XVII вв., позволяет выявить значительное число достоверных данных о местных монастырях. Некоторые сведения уникальны и встречаются только в исследуемом списке, другие дублируются в известных аналогичных источниках. Достоверность информации обусловлена тем, что составитель летописца широко использовал документы, актовые материалы, писцовые книги этого периода. Зачастую автор заимствовал пространные фрагменты из таких источников и без каких-либо указаний включал их в текст своего сочинения.

Нельзя не отметить, что ростовский список «Угличского летописца» по структуре и содержанию глав, повествующих о местных событиях конца XVI – XVII вв., заметно отличается от других известных списков²³. Так, например, в нем полностью отсутствуют статьи «О разорении городских монастырей», «О разорении окрестных монастырей» и некоторые другие. Сведения о разорении обителей здесь включены в текст общих статей, посвященных польской интервенции. В то же время исследуемый список содержит данные о состоянии архитектурных ансамблей обителей, полностью отсутствующие в других аналогичных списках.

Кроме тридцати основных глав составители ростовского списка снабдили его солидным приложением, состоящим из такого же числа выписок из различных исторических источников. Некоторые из них имеют непосредственное отношение к теме настоящего сообщения. Так, например, выпись под номером 1 является пространным фрагментом из писцовых книг по Угличу Н.Ф. Панина и Н. Петрова, составленных в 1610 г. В них подробно описано состояние города сразу после польского разорения. Имеются данные о Богоявленском женском монастыре, который был разграблен и сожжен, но «ради зимяго времени возобновлше»²⁴. В источнике содержатся аналогичные сведения и по другим угличским обителям. Выпись под номером 3 является кратким фрагментом из описных книг по Угличу М.Ф. Мезецкого 1663 г.²⁵ В ней имеются сведения об угличских монастырях на середину XVII в. И, наконец, выпись номер 21 содержит фрагменты из писцовых книг по Угличу М.Ф. Самарина и М. Русинова 1674-1676 гг.²⁶

Три выписи (5, 6, 7) содержат жалованные грамоты, данные Покровскому монастырю Андреем Большим в 1476 г., Василием Иоанновичем в 1534 г., царевичем Дмитрием в 1585 г.²⁷. Эти

документы хорошо известны исследователям по публикациям в научных и периодических изданиях. Выпись номер 18 является прошением угличских властей и граждан об установлении архимандрии в Покровском монастыре от 1691 г.²⁸ Выпись номер 19 – жалованная грамота Московского Патриарха Адриана на установление архимандрии в этой обители того же года²⁹. Список о принесении П.А. Нарышкиной части мощей Николы Чудотворца в Николо-Улейминский монастырь в 1707 году включен в приложение под номером 23³⁰. И, наконец, самая пространная выпись номер 30 является, вероятно, фрагментом из какого-либо местного летописца или хронографа и хорошо дополняет основной текст исследуемого источника. В ней приводятся сведения об Алексеевском, Воскресенском, Покровском, Николо-Улейминском монастырях и Вассиановой Рябовской пустыни.

В заключение можно сказать, что ростовский список является одним из самых полных списков «Угличского летописца» и содержит информацию об истории создания, архитектурных ансамблях монастырей, их роли в формировании культуры края и по многим другим вопросам. Все это позволяет говорить о нем как о ценном и полезном для исследователей историческом источнике.

*

¹ Угличский летописец. Под ред. А.А. Севастьяновой. Ярославль, 1996. 183 с.

² Севастьянова А.А. Угличский летописец как памятник провинциальной историографии // Там же. С. 5.

³ Там же.

⁴ Угличский летописец. С. 30.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 59.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 60.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 62.

²⁰ Там же. С. 64.

²¹ Там же. С. 85.

²² Там же. С. 90-91.

²³ См.: Угличский летописец // Труды ЯГУАК. М., 1890. Вып. I. С. 1-135.

²⁴ Угличский летописец. Под ред. Севастьяновой. С. 98.

²⁵ Там же. С. 106-108.

²⁶ Там же. С. 129-130.

²⁷ Там же. С. 109-112.

²⁸ Там же. С. 126.

²⁹ Там же. С. 127-128.

³⁰ Там же. С. 131-132.

³¹ Там же. С. 145-159.